

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия
О чем говорят младенцы
Я никому ничего не должна
Вся la vie
Семейная кухня
Ласточ...ка
Замочная скважина
Не вся la vie
Пьяная стерлядь
Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба
Дневник мамы первоклассника
Падшая женщина
Домик на юге
Осторожно – дети! Инструкция по применению
Собирайся, мы уезжаем
Соня и Александра
Плюс один стул
Чужой ребенок
Счастливая семья
Терпкий вкус тутовника
Руками не трогать
Истории моей мамы
Наша девочка
Шушана, Жужуна и другие родственники
Вторая жизнь
Продается дом с дедушкой
Уважаемые отдыхающие!
Второй раз в первый класс
Всегда кто-то платит
Моя бабушка — Лермонтов

МАША
ТРАУБ
НА ГРАНИ РАЗВОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва
2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление серии *С. Груздева*

В оформлении переплета использована иллюстрация
Марины Дорошенко

Трауб, Маша.

Т65 На грани развода / Маша Трауб. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-04-100498-9

Любая семья рано или поздно оказывается на грани. Кажется, очень просто перейти незримую черту и обрести свободу от брачных уз. Или сложно и даже невозможно? Говорить ли ребенку правду? Куда бежать от собственных мыслей и чувств? И кому можно излить душу? И, наконец, что должно произойти, чтобы нашлись ответы на все вопросы?

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трауб М., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100498-9

День первый

Марина буквально вывалилась из микроавтобуса, нащупала в сумке пачку сигарет, прикурила и с наслаждением затянулась. Два часа поездки по серпантину она выдержала с трудом. Хорошо, хоть Анята проспала всю дорогу.

— Мам, мы приехали? Мы здесь будем жить? — Семилетняя Анята оглядывалась по сторонам. Общй двор, большой стол, стулья, скамейки, детская мебель, качели, пластмассовая горка.

— Кажется, да, — ответила Марина.

Отель оказался не «небольшим», как указывалось на сайте, а совсем крошечным. Три номера на первом этаже с выходом во двор. Несколько на втором. Семей на шесть, не больше.

— Приветтики-рулетики! — подбежала к Марине молодая женщина. — Меня Женя зовут. А тебя?

— Добрый день. Марина, очень приятно. И, если можно, на «вы». — Марина не собиралась быть невежливой, но панибратство ее раздражало.

— Ой, а у нас тут все на «ты» и все дети общие! Если что, присмотрим за твоей... за вашей... как зовут дочку?

Маша Трауб

— Дочь зовут Анной. Спасибо, не надо. Я сама за ней присмотрю. — Марина демонстративно отвернулась. Только назойливой подружки ей в первый день не хватало.

— Мы решили, что здесь, то есть на общей территории, во дворе то есть, мы не курим, — продолжала Женя как ни в чем не бывало. — Ну чтобы дети не видели. Понимаете?

Марина повернулась и посмотрела на Женю. Есть такие женщины — вечные веселушки-хохотушки. Непробиваемые и неунывающие. На щеках — ямочки. И круглые глаза с сохранившимся в них непонятно как и почему детским восторгом. Женя не была толстой, как того требовал образ, но лишь в силу молодости — на вид ей было около тридцати. Лет через пять, подумала Марина, она нарастит нужную массу и окончательно оформится в толстушку. Сейчас же она представляла собой сдобную булочку, свеженькую, только из печки, еще упругую и аппетитную. Марина, которая в прошлом году отметила сорокалетие, позавидовала молодости и упругости. Лицо, правда, у Жени было странное — мимически активное. Женя интенсивно морщила лоб, строила гримасы, поджимала и надувала губы, и все это происходило вне зависимости от текста, который она произносила. Говорила Женя тоже забавно, растягивая звуки, тщательно артикулируя, будто рассказывая сказку детям. Марине ее голос напомнил аудиокнигу, которую она слушала в машине, но так и не

На грани развода

добралась до конца записи — голос актрисы очень раздражал. Вот и у Жени был такой же голос.

— Вообще-то у нас никто не курит, — сказала эта странная женщина, и ее брови поползли вверх, а уголки губ — вниз. Женя успела еще и причмокнуть и показать, как курит, и замахать руками. Звучало это еще более странно, будто Женя разговаривает с маленьким ребенком, с которым нужно сюсюкаться и все звуки произносить членораздельно.

— Вы логопед?

— Нет, — ответила Женя и показала, как она удивлена.

Марина смотрела заворуженно на весь этот калейдоскоп, состоящий из мимики и жестов. Настроение у нее испортилось окончательно. Перелет был тяжелый — она не любила летать. Не то чтобы панически боялась, не до аэрофобии, но всегда оглядывала очередь пассажиров, выстроившихся на посадку. Если в очереди видела маленьких детей, ей становилось легче. Почему-то она была уверена, что самолет, в котором есть маленькие дети... в общем, должно быть все хорошо. Нет, она не была верующей и даже в тяжелые моменты не обращалась к Богу, но в самолете многие перестают быть атеистами. Да, Марина считала, что какая-то высшая сила должна уберечь маленьких детей от катастрофы.

А тут еще она полетела с насморком, и при посадке у нее так болели уши, что она не удержалась

и заплакала. Анюта переживала и гладила ее по руке. Потом тоже расплакалась от страха, обычного детского страха. Они ведь всегда ездили семьей, с папой или с бабушкой, и в первый раз поехали отдыхать без них. Так решила Марина. Мужа она поставила перед фактом. Отель нашла в последнюю минуту, за билеты, купленные чуть ли не накануне вылета, переплатила. Марина даже себе не могла ответить на вопрос, с чего вдруг ее понесло в не самое популярное у туристов место. Да еще этот отель... На сайте значилось, что он семейный, и Марина решила, что да, ей нужен именно семейный отель, плохо понимая, что это значит. Но подумала, что там точно должны быть дети и Ане будет не скучно.

— У вас с Гришей что-то случилось? — осторожно спросила Маринина мама, когда она сообщила ей, что они с Аней улетаю на море, и на дачу, как собирались, не приедут.

— Нет, все хорошо. Просто хочется уехать. Побывать с Аней. Нам вдвоем. Не знаю, как объяснить. Я же ее практически не вижу. Школа, продленка, секция. Мне на общение с ней остается или раннее утро, когда я еще говорить не могу, или поздний вечер, когда уже не могу. Выходные с ней Гриша проводит. Им хорошо вместе, а я вечно все порчу. То попкорн в кино запрещаю Ане есть, то гулять в парке подолгу не хочу. Им вдвоем веселее, без меня. Мне кажется, я ее упускаю. Прости, что не приедем к тебе. Я устала, если честно.

На грани развода

— Ты имеешь на это право, — сказала мама.

Марина так и не поняла, на что имеет право — на то, чтобы уехать с дочерью, на запрет попкорна, на усталость или на то, чтобы не ехать на дачу.

— Просто тебе нужно поменять обои перед глазами. Так бывает, — продолжала мама, — ни с того ни с сего. Так кажется. Просто копится долго и вдруг прорывает. Я тебя прекрасно понимаю.

— Вряд ли...

— Знаешь, после чего я рассталась с твоим отцом?

Марина редко разговаривала с матерью вот так, по душам. Обычно их беседы сводились к очевидному, давно отработанному сценарию: как себя чувствуешь? Деньги есть? Лекарства привезти? Нет? Прости, приехать не смогу. Дела. Нужно еще Аню к зубному отвезти. И... много дел в принципе. Нет, на дачу точно не получится. Что там делать? Друзей у Ани там все равно нет. Ей станет скучно уже на следующий день. Нет, мы не будем сидеть в Москве.

— Ты рассталась с папой после того, как он нашел себе любовницу, — ответила Марина. Каждый год мама ждала их с Аней на даче. Каждый год Марина придумывала миллион причин, чтобы не ехать. Когда она была маленькой, то очень любила это место. И озеро, и лес. И ходить с отцом за грибами и ягодами. С тех пор как родители развелись, Марина не могла себя заставить ездить на дачу, которую

папа разделил «по-честному» — маме оставил большой дом, а себе гостевой. На участке вырос забор в том месте, где его не должно было быть в принципе. Маму не смущало присутствие посторонних людей за забором — сначала бывшего мужа с любовницей, ставшей женой, потом родственников этой жены. А Марину смущало, и даже очень. Поэтому она и не ездила. И Аню не отпускала, чтобы избежать объяснений. Хотя мама каждый год уверяла, что отец будет только рад повидать внучку. Но Марина знала — мама с ним не общается много лет, и с чего вдруг отец будет рад видеть внучку, которую видел один раз в жизни? Марина просто приняла тот факт, что ее родители живут через забор друг от друга, видят друг друга в щели и ни здрасьге, ни до свидания. Сколько так продолжается? Последние лет двадцать точно.

Аня про дедушку ничего не знала. Отец Марины видел внучку на выписке в роддоме, куда привез букет лилий, которые Марина ненавидела и тут же, при отце, выбросила в мусорный контейнер. Он пытался сунуть ей конверт, явно с деньгами, но она отвернулась и не взяла. Видела, что конверт взяла мама. Потом привезла в подарок коляску, купленную на эти деньги. Марина передарила коляску многодетной семье, жившей этажом ниже. Она так и не смогла простить отца, единственного в жизни мужчину, которого любила и который так подвел, разрушив сразу три жизни — жены, дочери и внучки. В одно

На грани развода

мгновение он перестал быть мужем, отцом и дедом, просто потому что захотел сыграть эти роли «набелло», с другой женщиной.

Мама прекрасно знала, что Марина не приедет на дачу и не привезет Аню. Но каждый сезон упорно готовилась к их приезду — сажала цветы, отмывала дом, вешала новые занавески, присылала фотографии цветущего куста жасмина, посаженного годом раньше в рамках подготовки к приезду.

— Мам, я не могу! — уже открытым текстом кричала Марина. — Не могу туда ехать! Физически!

— Ну, может, на следующие выходные? Там сейчас тихо, никого нет. — Мама ее не слышала.

«Там» — это на другой половине участка. Марина вообще не понимала, почему мама согласилась на такой размен, с ее точки зрения, чудовищный, пошлый и аморальный. Она вообще не понимала, как мама может с этим жить. Она бы не смогла точно.

— Это да, но не любовница стала основной причиной, — неожиданно заметила мама.

— А что тогда? — Марине даже стало интересно. Мама, как ей казалось, отнеслась к разводу, мягко говоря, категорично, решив для себя, что теперь уже бывший муж, отец ее единственной дочери — умер. Она и вела себя как профессиональная вдова. Отца вспоминала всегда с теплотой и строго в прошедшем времени. Дурного слова про него не сказала. Разве что «пусть земля ему будет пухом» не добавляла. И мужчина за забором был ей абсолютно чужим

человеком. Посторонним. И она искренне не понимала, почему ее уже взрослая дочь так страдает. Разве можно столько времени страдать и из-за этого не приезжать на дачу?

— Сосиски, — сказала мама, — сосиски стали последней каплей. Я очень любила сосиски. Даже те, которые на вокзалах продавались. С горчицей. Я купила сосиски на ужин. Твой отец поставил их вариться. Съел четыре штуки, а мне оставил две. Да и те — в воде. Они остыли и размокли. Я стояла над кастрюлей и не понимала, как он мог со мной так поступить. Мало того, что оставил мне всего две сосиски, да еще и в воде. Понимаешь?

— Да, мам, — ответила Марина, хотя не понимала, как могут сосиски привести к разводу. — Я тебе напишу, как мы доберемся до гостиницы.

— Отдохни там, развейся, — пожелала мама, но очень, как бы это сказать, по-светски, неискренне.

Марина задумалась. Если посмотреть с другой стороны, у ее матери были сосиски, после которых понимаешь, что все, это конец, а у нее футболка с пайетками. Пришла такая мода — в магазинах стало невозможно найти футболку для девочки, которая не была бы вышита дешевыми пайетками. Если провести рукой по вышивке, пайетки меняли цвет и рисунок. Маринина мама подарила внучке такую пайеточную подушку — проводишь рукой, и подушка в форме сердца меняет цвет. Можно написать что-нибудь или нарисовать. Аня сидела и вместо

На грани развода

уроков могла рисовать на этой подушке цветочки и выписывать буквы. Марина взяла подушку и тоже не могла оторваться — проводила рукой по пайеткам и наблюдала, как под светом настольной лампы на потолке появляются рисунки.

Потом она купила Ане футболку с пайетками и еще одну майку — с длинными рукавами. На этом решила остановиться. Аня от блесков просто впадала в ступор. Да еще и все подружки, которых она встречала на улице, проводили пальцем по ее груди, разглядывая, какой получится рисунок. Марина не хотела, чтобы ее дочь трогали все встречные и поперечные.

Аня с отцом пошла в кино — традиционный воскресный день — и вернулась совершенно счастливая. Гриша купил дочери блокнот с обложкой из пайеток, пенал, две футболки и толстовку. И все — в пайетках. Особенно Марину потряс выбор футболки — сверху кошачья морда, а внизу — русалочий хвост, который менял цвет с синего на зеленый. Марина заплакала. Сочетание кошачьей морды с рыбьим хвостом ее убило. И да, именно эта футболка стала последней каплей, после которой Марина нашла семейный отель и заказала билеты. Гриша спрашивал, почему она вдруг решила сорваться, но Марина не могла объяснить мужу, что все из-за футболки и этих пайеток, которые она находила везде — в ванной, в стиральной машине, в кровати. Как не могла объяснить, почему ей плохо.

Маша Трауб

Последний месяц она выживала, держалась «на зубах» — ее тошнило, кружилась голова, не было никаких сил. Утром она с трудом отводила Аню в школу. Раньше ей нравилось выходить рано утром и не спеша возвращаться домой. Она обходила школу, спускалась к реке, быстрым шагом шла по набережной и поднималась по крутой лестнице уже другим человеком. Ей нужны были эти личные утренние сорок минут — продышаться, привести себя в форму. Но даже такую маленькую радость, удовольствие — дышать, когда воздух еще относительно чист, ловить ощущение, что хочется жить, Марина больше не испытывала. С трудом заставляла себя разлепить глаза, заплести Ане косы, накинуть на себя старую куртку и доползти до школы, а потом бегом назад, домой, успеть выпить кофе.

Она взяла на работе отпуск, впервые за последние три года. Смотрела утренние новости, повторы сериалов и понимала, что ей так плохо, как не было никогда. Она будто все время находилась внутри стиральной машины и ее выполаскивало, выжимало, замачивало в режиме тысячи оборотов. Марина сходила к врачу, который посоветовал отдых и прописал витамины. Ее продолжало крутить. Она вдруг поняла, что не хочет так жить дальше — с Гришей. Вставать каждое утро по будильнику, возвращаться вечером в семь, ехать на работу, спрашивать, что Аня ела в школьной столовой и сделала ли уроки на продленке. Врач допытывался, что именно вызыва-

На грани развода

ет тошноту — запахи, еда? Марина не смогла признаться — тошноту вызывает сама жизнь. И Гриша. И пайетки. А еще — семейный отдых, спланированные выходные на два месяца вперед, расписанная по графику жизнь.

Врач посоветовал поехать на море, и Марина ухватилась за эту идею. Да, она уедет. С Аней. Без мамы, которая обидится. Без Гриши, который сначала промолчит, но потом будет выспрашивать у нее, почему она поступила так, а не эдак, и все это превратится в нескончаемый допрос с пристрастием. Разве что лампой Гриша не будет светить ей в лицо и мучить вопросами, догадками, версиями. Он будет обижаться, молчать, обвинять, искать виноватых, прощать, чтобы через минуту снова зайти на тот же круг. И так каждый день. Гриша... неужели она его когда-то любила? Обычно мужчины признаются, что с облегчением уходят утром на работу и не спешат вернуться домой вечером, потому что дома пилит жена, надо зайти по дороге в магазин и вообще есть целая куча прочих дел. Марина винила себя в том, что она неправильная жена и мать. Ей тоже не хотелось возвращаться домой, где, как это ни смешно, ее никто не ждал. Даже Аня, которая умела себя занять. А если Марина звонила дочери и сообщала, что немного задержится, потому что зайдет в магазин, дочь просила купить шоколадное яйцо или мармелад в форме мишек. В этом случае она ждала маму. Гриша по вечерам садился работать, как он говорил, «во вторую сме-